

ПОЛЕМОН, ХЕРСОНЕС И РИМ

Один из самых темных периодов в истории Боспорского царства приходится на столетие от примерно середины I в. до н.э. по середину I в. н.э., т.е. от поражения Фарнака при Зееле в 47 г. до н.э. до начала междоусобной войны сыновей Аспурга в 45 г. н.э. Как в династийном kaleidoscope, правители и правительницы сменяли друг друга на боспорском престоле: Асандр, Митридат Пергамский, Динамия, Скрибоний, Полемон I, Пифодорида, Аспург, Гепепирия, Полемон II, Митридат II, Котис I. Точные даты воцарения и сошествия с трона многих из них, равно как и случаи повторной интронизации, не говоря уже о возможности расширения списка царственных особ за счет монетных монограмм, целиком находятся во власти разрозненных, часто сбивчивых и лакунарных источников, а потому и открывают широкий простор для всевозможных калькуляций и спекуляций исследователей нового времени. Такие последние находки, как второй статер Динамии 21/20 г. или гермонасская надпись Пифодориды, вселяют надежду на то, что мрак постепенно рассеется, однако ожидание новых источников — не более чем упование на счастливый случай. Отсюда становится понятным, что топтание в заколдованном кругу многократно уже обсужденных комбинаций можно преодолеть лишь с помощью повторной тщательной ревизии наличного эпиграфического и нумизматического фонда. Одна из попыток подобной реинтерпретации и предлагается сегодня благосклонному вниманию читающей публики*.

Кардинальные проблемы указанного периода политической истории Боспора составляют, с одной стороны, его взаимоотношения с Римом, а с другой — с соседним полисом Таврики — Херсонесом. Наши общие представления по этому поводу сформировались, бесспорно, под влиянием троекратно повторенных и нарочито акцентированных показаний VII книги Страбона. Сначала историк говорит (VII, 4.3), что «начиная с этого времени [т.е. с момента победы Митридата Евпатора над скифами и утверждения его на боспорском троне] государство

* В основу данной статьи положен доклад, прочитанный на вторых чтениях памяти профессора Петра Осиповича Карышковского. См. *Виноградов Ю.Г. Полемон, Херсонес и Рим // Древнее Причерноморье. Тезисы докладов юбилейной конференции 9—11 марта 1991 г. Одесса, 1991. С. 17—19.*

херсонеситов вплоть до сегодняшнего дня подвластно (ὕπῃκοος) династам Боспора». Чуть дальше (VII. 4.5) он описывает ту же политическую ситуацию иными словами: «...ею [т.е. всей Таврикой], пришедшей в упадок вследствие постоянных войн, владеют (ἔχουσι) династы Боспора». И наконец, вскоре, вслед за парентезой с описанием осады Ктенунта, Страбон резюмирует (VII. 4.7): «И теперь вся эта территория [т.е. та же Таврика] находится под властью боспорских царей (ὕπὸ τοῖς Βοσπορανῶν βασιλεῦσιν), которых возводят на престол римляне».

Сколь бы ни были ценны исторические справки Страбона, мы, во-первых, не знаем, до какого момента простирается их «срок годности»: следует ли слова μέχρι νῦν, καὶ νῦν — «до настоящего времени», «и теперь» совмещать с последним упомянутым им событием политической истории Боспора — гибелью Полемона от рук аспургиан и воцарением Пифодориды (XII. 3.29; наиболее признанная дата — 9/8 г. до н.э.) — либо их можно дотянуть до 20 г. н.э., когда вносились последние дополнения и поправки в «Географию»¹. Во втором случае свидетельства распространялись бы и на правление Аспурга. Во-вторых, сведения Страбона релевантны лишь en gros: показания декрета в честь Гая Юлия Сатира IOSPE I² 691 и херсонесской нумизматики однозначно свидетельствуют о том, что в период около 46—42 гг. Херсонес ненадолго освободился от опеки Боспора, получив элветерию из рук Юлия Цезаря.

Кроме столь скупой исторической традиции мы располагаем по интересующей нас теме несколькими эпиграфическими источниками этого времени.

1. IOSPE I² 704 — послание Полемона (видимо, Первого) Совету и народу херсонеситов:

Βασιλεὺς Πολέμων εὐ-
σεβῆς, σωτὴρ Χερσονήσειων
βουλῆτι, δήμῳ χαίρειν
[οἱ ἀπὸ τοῦ Βοσπόρου συγι-
5 [όντες εἰς τὴν ὑμετέραν]
[πόλιν πρέσβεις? ἐπαγγέλ-]
[λονται τὴν πρὸς ἡμᾶς εὐ-]
[νοίαν νεὶ sim.]²

2. IOSPE I² 419 (речь о ней пойдет ниже).

3. IOSPE I² 354 — декрет в честь посла Динамии³:

Οἱ Χερσονα[σιτῶν τῶν ποτὶ τῆι Ταυρικῆι πρόεδροι εἰ-]
παν ἐπειδὴ ἄμιν [πρεσβείας ἀποσταλμένας τὰς μεγί-]
στας καὶ εὐσεβοὺς [καὶ φιλωρωμαίου βασιλίσσας Δυ-]
νάμεως τῶν θφειλομένων ε. г. εδεργεσίαν τε καὶ χάριν]
5 [π]επιστευμένους προ[ερεῖν? ὁ δεῖνα τοῦ δεῖνος]
[τῶν ἐπιδαμίαν ἀξία[ν ε. г. πάσας ἀποδοχᾶς πεποιῆται, παρὰ]
[τοῦ πατ]ρός πάντων ἀγα [θῶν ε. г. παραιτίος γίνεσθαι διαδε-]
[ξάμενος,] ποτὶ καὶ λέγειν καὶ πράσσειν τὰ βέλτιστα]
[τῆι πόλει εὔνου]γ ἐ[αυτὸν παρέσχετο κτλ.]

¹ Грацианская Л.И. «География» Страбона. Проблемы источниковедения // Древнейшие государства на территории СССР. 1986 г. М., 1988. С. 32.

² Реконструкция автора. Встречающееся порой и по сей день в литературе неправильное понимание стк. 2 в смысле «спаситель херсонесцев» (см., например, *Gajdukevič V.F. Das Bosporanische Reich. Berlin — Amsterdam, 1971. S. 335; Соломоник Э.И. Каменная летопись Херсонеса. Симферополь, 1990. С. 50*) справедливо подверг критике В.М. Зубарь (Из истории Херсонеса Таврического на рубеже нашей эры // ВДИ. 1987. № 2. С. 127. Прим. 79).

³ Приводится лишь фр. А в реконструкции автора.

4. IOSPE I² 573 — база статуи, поставленной Аспургом⁴:

Βασιλεὺς Ἀσποῦ[ργος ὁ ἐκ βασιλέως Ἀσάνδρ/όχ/ου ?]
β[ασι]λεύφϋ [παντὸς Βοσπόρου κτλ.]

Судя по этим источникам, в особенности по №1 и 3, Херсонес находился в зависимости от Боспора, поскольку письмо Полемона производит впечатление обычного рескрипта от имени сюзерена гражданам зависимого от него полиса, а употребленное в декрете самих херсонеситов в честь посла Динамии довольно раболепное причастие τῶν ὀφειλομένων, не важно с чем сочетаемое (наиболее вероятно: ἐδερευσίαν τε καὶ χάριν), носит яркий оттенок милостей, причитающихся со стороны правительницы ее верноподданным. Статуя же с надписью на постаменте могла, конечно, быть поставлена в городе Аспургом по какому-либо поводу.

Остается, однако, еще один херсонесский эпиграфический документ, который в состоянии, как мне кажется, не только продлить гарантийный «срок годности» показаний Страбона о характере боспоро-херсонесских взаимоотношений до двух десятилетий после окончания его труда, но и пролить неожиданный свет на один загадочный, мучивший до сих пор всех ученых эпизод в истории самого Боспора. Речь идет о почетной надписи IOSPE I² 419, упоминающей имя царя Полемона. Первый издатель документа, В.В. Латышев, равно как и его учитель Ф.Ф. Соколов, не решались, кого из двух царей с этим именем предпочесть — Полемона I или II. Затем, однако, с молчаливым единодушием надписи стали относить к Полемону I, хотя решающих аргументов в пользу такого выбора представлено не было⁵. Поскольку, как я постараюсь показать ниже, есть все основания отнести документ не к Полемону I, а к Полемону II, имеет смысл еще раз обратиться к свидетельствам о связях последнего с Боспором.

Эти свидетельства исчерпываются, собственно, двумя показаниями Диона Кассия. В LIX. 12.2, повествуя о перестановках царей на окраинах империи, предпринятых Гаем Калигулой в 38 г., историк сообщает, что Полемону, сыну Полемона, император подарил отцовское царство (πατρῶαν ἀρχήν), что и было санкционировано сенатом. Здесь Дион допустил ошибку в отношении родства: Полемон II приходился не сыном, а внуком Полемону I, так как его отцом был Котис, а матерью — Антония Трифена. Побудительные мотивы щедрости Гаия вполне объяснимы: кизикская надпись Syll.³ 798.6/7 называет Полемона II и его братьев Реметалка и Котиса «вместе воспитанными сотоварищами» Калигулы, которых он «водворил в царствах, причитавшихся им по праву, полученному от отцов и предков» (συντρόφους καὶ εταίρους ἑαυτῶι (sc. Γαίῳ γεγονότας εἰς τὰς ἐκ πατέρων καὶ προγόνων αὐτοῖς ὀφειλομένας ἀποκαθέστακεν βασιλείας).

В следующей книге (LX. 8.2) Дион сообщает, что пришедший в 41 г. к власти Клавдий, отменивший тут же все постановления предшественника (Suet. Claud. 11.3), «некоему другому Митридату, ведшему свой род от того знаменитого [т.е. Митридата Евпатора], даровал Боспор, а Полемону взамен него (ἀντ' αὐτοῦ) предоставил (ἀντέδωκε) некую область в Киликии». Таков скудный фонд источников по занимающему нас историческому эпизоду.

Ни эпиграфика, ни нумизматика не дают и намека на правление или даже просто присутствие Полемона II на Боспоре. Более того, судя по датированному золоту, последние статеры Аспурга чеканены в 334 г. б.э., и в том же году

⁴ Дополнения автора.

⁵ Кадева В.И. Херсонес Таврический в первых веках нашей эры. Харьков, 1981. С. 17; Зубарь. Ук. соч. С. 127; Соломоник. Каменная летопись... С. 26. № 15; прежде она разделяла неуверенность Латышева, см.: Соломоник Э.И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев, 1964. С. 189. Табл.; ср. Roddaz J.-M. Marcus Agrippa. Paris — Roma, 1984. P. 466. Not. 255.

начинает, а в следующем продолжает выпускать их его вдова Гепепирия с одной своею монограммой⁶. В это же двухлетие она бьет медь только с легендой ΒΑΣΙΛΙΣΣΗΣ-ΓΗΠΑΠΥΡΕΩΣ⁷. В следующем — 336 г. б.э. начинает чеканить статыры ее сын Митридат II(III), продолжая эту эмиссию до 338 г. б.э. Параллельно он выпускает медь со своим изображением и именем на аверсе и мифологически-династическими атрибутами на реверсе (палица, лук и львиная шкура Геракла, трезубец Посейдона) либо помещает на оборотной стороне портрет матери с соответствующей пояснительной легендой⁸. Отсюда следует, что после смерти Аспурга в 37/38 г. два года самостоятельно правит его вдова Гепепирия (37/38—38/39), а затем престол занимает ее сын Митридат II, которому она, видимо, на первых порах соправительствует. Короче говоря, непрерывная чеканка наследников Аспурга с 37 по 42 г. не оставляет места под боспорским солнцем Полеону II, хотя тем не менее трон достался ему по официальному распоряжению принцепса и сената.

Как же пытались преодолеть это вопиющее противоречие между показаниями Диона и монет? Те из интерпретаторов, кто оставлял без внимания данные нумизматики, полагали, что Полеон II встретил на Боспоре столь сильное сопротивление, что в 41 г. Клавдий был вынужден его сменить⁹. Большинство исследователей, сопоставлявших свидетельства Диона Кассия с нумизматическими, представили несколько вариантов истолкования этого исторического парадокса. Латышев¹⁰ предположил, что Полеон и Митридат II поделили власть: одному достался азиатский, другому европейский Боспор. В своей гипотезе Латышев опирался главным образом на горгиппийскую манумиссию IOSPE II 400 = КБН 1123 от 41 г. н.э., в лакуне которой он восстанавливал имя [Πολέμωνος]. Повторное тщательное изучение этой надписи А.И. Болтуновой¹¹ привело ее к выводу о том, что в разуре на камне читается имя не Полемона, а Митридата. От себя замечу, что чтение Латышева исключено и по хронологическим соображениям, так как документ датирован 338 г. б.э., месяцем *дием*, что соответствует примерно октябрю, а в этот период — скорее концу ноября — началу декабря¹² 41 г., тогда как Клавдий, признанный императором за 10 месяцев до того, т.е. 24—25 января¹³, немедленно отменил все постановления Гая, передав в этом году власть над Боспором Митридату.

А.В. Орешников¹⁴ высказал гипотезу о том, что Полеон II правил Боспором так недолго, что не успел отчеканить здесь монет; его царствование он помещал ориентировочно между последним годом правления Гепепирии (335 б.э. = 38 н.э.) и первым годом Митридата II (336 б.э. = 39 н.э.).

⁶ Фролова Н.А. О времени правления Гепепирии и Митридата III // ВДИ. 1977. № 3. С. 166 сл.; Анохин В.А. Монетное дело Боспора. Киев, 1986. С. 95 сл.

⁷ В.Ф. Гайдукевич (op. cit. S. 340. Anm. 16) отказывает Гепепирии в единоличном правлении.

приписывая статыры с монограммой Аспургу и продлевая, таким образом, его жизнь и

царствование на один год, а медные монеты только с именем царицы считает выпуском Митридата в ее честь. Такую же возможность рассматривает, но отклоняет В.А. Анохин (ук. соч. С. 96).

⁸ Фролова. Ук. соч. С. 169 слл.; Анохин. Ук. соч. С. 96 сл.

⁹ Дьяков В.Н. Таврика в эпоху римской оккупации // Уч. зап. МГПИ. 1942. XXVIII. 1. С. 31; Голубцова Е.С. Северное Причерноморье и Рим на рубеже нашей эры. М., 1951. С. 128. Сдержаннее высказывается: Sullivan R.D. King Marcus Antonius Polemo // NumChron. 1979. XIX. P. 11. Not. 21. Аналогичного мнения придерживается осведомленный в вопросах боспорской нумизматики: Magie D. Roman Rule in Asia Minor. Princeton, 1950. P. 548; cp. 514. Not. 53.

¹⁰ Latyshev S. Brevis conspectus historiae Regni Bosporani / IOSPE II (1890). P. XLII sq = ПОНТИКА (1909). С. 108; того же мнения: Willrich H. Caligula // Klio. 1903. 3. S. 302 f.

¹¹ Болтунова А.И. К надписи IOSPE II, 400 // ВДИ. 1954. № 1. С. 168.

¹² Samuel A.E. Greek and Roman Chronology. München, 1972. P. 143.

¹³ Kienast D. Römische Kaisertabelle. Darmstadt, 1990. S. 90.

¹⁴ Орешников А.В. К нумизматике преемников Аспурга // ИРАИМК. 1921. I. С. 3 сл.

Оригинальную версию предложил В.А. Анохин¹⁵, считавший, что дело вовсе не в Митридате, а в сестре Полемона II Гепепирии, которая могла быть признана царицей в том же 38 г., когда она начинает чеканить монету. К сожалению, автор не поясняет, кем была признана Гепепирия, так что историческая справка Диона LIX. 12.2 о назначении Гаема на царство Полемона II и в этом варианте истолкования ничуть не снимает круциального противоречия.

Наконец, были предприняты попытки по-своему интерпретировать или даже подвергнуть критике свидетельство традиции. А. Баррет¹⁶ склонен полагать, что Дион не ошибался, но под πατρίς ἀρχή в LIX. 12.2 он имел в виду не Боспорское, а Понтийское царство. Р. Салливен¹⁷ считает, что Dio. LX. 8.2 не доказывает реальности правления Полемона II на Боспоре, но только робкую претензию (attenuated claim) на него. Наиболее радикален Д. Браунд¹⁸, предлагающий альтернативное решение: либо Дион вообще мог ошибиться, коль уж он спутал внука с сыном, либо уступка Клавдия Полемону II была сделана не взамен права царствовать на Боспоре, а за потерю претензий (claim) на боспорский трон. Если оставить в стороне последний гипотетический казус — очень странный и беспрецедентный в древнем мире, — все остальные попытки интерпретации либо грешат конфронтацией с предельно ясными показаниями Диона, либо заставляют в качестве ultimum refugium прибегать к хирургическому вмешательству, объявляя их ошибочными. Только что это и продемонстрировал В.П. Яйленко¹⁹, уверенный, что ему первому удалось доискаться первопричин путаницы у Диона. По убеждению современного историка, древний — допустил ошибку даже не по одному, а по трем пунктам: 1) происхождение Полемона II; 2) уступка ему Клавдием Киликии как компенсация за отнятие у него Боспора; 3) сам факт дарования императором боспорского престола Митридату, которым тот обладал уже не менее полутора лет. За недостатком места не станем пускаться в плавание по зыбкому морю рискованных гипотез и логических aberrаций, коль скоро дальнейшее изложение покажет, что Дион Кассий не нуждается ни в прокурорах, ни в адвокатах.

Наибольшее число сторонников завоевала все же умеренная позиция, суть которой сводится к тому, что Полемон II был номинально назначен царем, но получил на Боспоре ограниченное признание, а потому и не пытался завладеть боспорским престолом, занятым Митридатом II²⁰. Иными словами, будучи не в состоянии преодолеть непримиримое противоречие между сведениями традиции и нумизматикой, исследователи неизбежно были обречены на всевозможные — порой слишком рискованные — реконструкции, подобные, например, той, которую предложил Д.П. Каллистов²¹: «Расчеты Митридата полностью оправдались. Полемон II, находившийся все это время в Понте, так на Боспоре и не появился. Было ясно, что он сможет воспользоваться подаренным Калигулой престолом боспорских царей только при помощи оружия. На это он не решился, видимо, не располагая достаточными военными силами».

Как мы вскоре убедимся, Каллистов наиболее приблизился если не к правильному решению, то к существу вопроса, а пока попробуем задать себе следующий вопрос: мог ли Полемон три года терпеливо и бесстрастно взирать на то, как на Боспоре, отданном ему по высочайшему повелению, хозяйничает сначала

¹⁵ Анохин. Ук. соч. С. 96.

¹⁶ Barrett A. Gaius' Policy in the Bosphorus // TaPhA. 1977. 107. P. 7

¹⁷ Sullivan R.D. Dynasts in Pontus // ANRW. 1980. II, 7.2. P. 928.

¹⁸ Braund D. Rome and the Friendly King. London; Canberra; New York. 1984. P. 42.

¹⁹ Яйленко В.П. Династическая история Боспора от Митридата Евпатора до Котиса I // Эпиграфические памятники и языки древней Анатолии, Кипра и античного Северного Причерноморья. М., 1990. С. 174—177.

²⁰ Dessau H. Geschichte der römischen Kaiserzeit. Bd II. В., 1926. S. 149; Gajdukevič. Op. cit. S. 340; Кадеев. Ук. соч. С. 17.

²¹ Каллистов Д.П. Северное Причерноморье в античную эпоху. М., 1952. С. 164.

Гепепирия, а потом и Митридат, пусть они и приходились ему родственниками — соответственно сестрой и племянником? И более того: допустимо ли, чтобы Калигула — как бы ни считать характеристику его Светонием гротескно гипертрофированной — монарх, действительно, вспыльчивый и своенравный, проявлял в течение всех долгих трех лет столь несвойственную его натуре пассивность, закрывая глаза на грубое попрание своей воли? Очевидно несоответствие подобной ситуации исторической реальности, а потому, чтобы прорвать *circulus vitiosus* бесперспективных в дальнейшем умозрительных конструкций, обратимся снова к упоминавшейся уже херсонесской надписи IOSPE I² 419.

Интересующий нас эпиграфический памятник представляет собой фрагмент пьедестала статуи, на лицевой стороне которого сохранился почти целиком рельефный лавровый венок и слева — остатки еще одного. То есть памятник весьма типичен для Херсонеса и абсолютно идентичен известным базам с почетными надписями в честь Агасикла, сына Ктесия (IOSPE I² 418), Аристана, сына Аттина (№ 423), неизвестного эвергета (№ 424), а также неизвестного херсонесита, почтенного статуей ольвиополитами²².

В сохранившемся венке нашего памятника пять полных строк древнегреческой надписи; от шестой, заключительной дошли лишь верхушки букв. Фрагмент найден в 1898 г. и трижды переиздавался Латышевым²³, всякий раз по эстампажу. К великому сожалению, сам камень, хранившийся в Херсонесском музее, видимо, исчез: мне его там обнаружить не удалось, да и недавний издатель полезного иллюстрированного альбомчика херсонесских надписей смогла воспроизвести лишь фото с эстампажа (иного, чем у Латышева) с пометой «камень пропал»²⁴.

В чтении Латышева текст венка выглядит так:

Ἐπὶ τὰς σφίμα-
χίας γενηθέν-
τι τὰς πρὸς β[α-]
σιλέα Πολέμω-
5 να δι' ἀγέμο-
[νίαν εὐτυχῆ?].

В более ранних публикациях (MAP 23; IOSPE IV) он понимал его в том смысле, что «чувствуемое лицо стояло во главе посольства, отправленного из Херсонеса к царю Полемену для заключения или возобновления союза, и удачно исполнило свое поручение». Однако Ф.Ф. Соколов в рецензии на IOSPE IV сделал существенную поправку к интерпретации Латышева²⁵: «*vir honoratus*» был, мне кажется, не послом для заключения союза, но начальником вспомогательного отряда, посланного царю Полемену, и награжден за счастливое командование отрядом». Во 2-м издании IOSPE I² Латышев безоговорочно согласился (*rectius monuit*) с предложением своего *magister optimus*, оформив окончательный вариант перевода: «Стоявшего во главе вспомогательного отряда, *посланного* к царю Полемену, за [счастливое] предводительство». Этот перевод и соответственно интерпретация вошли во все последующие работы отечественных антиковедов; более того, в упомянутом выше альбомчике Э.И. Соломоник механически воспроизведена даже описка — *lapsus calami* — Латышева: на камне стоит *dat. γενηθέντι*, отсюда не «стоявшего», а «стоявшему», а еще точнее «ставшему

²² Соломоник Э.И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев, 1973. № 109; уточнение облика памятника см. в рец.: Виноградов Ю.Г. // ВДИ. 1975. № 1. С. 170 сл.

²³ Латышев В.В. Греческие и латинские надписи, найденные в Южной России в 1895—1898 гг. // MAP. 1899. 23. С. 9 сл. № 6; IOSPE IV, 91; IOSPE I² 419.

²⁴ Соломоник. Каменная летопись... С. 26 сл. № 15.

²⁵ Рец.: Соколов Ф.Ф. IOSPE IV // ЖМНП. 1902. Ноябрь. = Труды. СПб., 1910. С. 641 сл.

Рис. 1. Херсонесская надпись IOSPE I² 419. Фото

во главе» (аог.). Напомню, что все последующие экзегеты предпочли Полемона I его внуку Полемону II.

Удивительным образом, однако, всегда столь внимательно следивший за книжными эпиграфическими новинками Латышев на сей раз прошел мимо специально посвященной этой надписи заметки, помещенной в увидевшем свет в 1910 г. широко известном труде «Beiträge zur griechischen Inschriftenkunde» крупнейшего эпиграфиста первой половины XX в. Ад. Вильгельма, а вслед за Латышевым²⁶, естественно, и все отечественные исследователи. Вильгельм (с. 210, № 184) по фото эстампажа в IOSPE IV 91 обратил внимание на лакуну в одно место в стк. 5 между буквами NA и ΔΙΑ, что дало ему основание с учетом верхушек букв в последней строке (по его мнению, предпоследней) предложить новое восстановление: [κ]αὶ ἀγεμόν[ι τοῦ] [στόλου] — «и предводителю похода».

Сравнив фото эстампажа, полученного Латышевым (МАР 23; IOSPE IV и I²), с фотографией эстампажа, хранящегося в архиве Государственного Херсонесского музея под № 147 (рис. 1)²⁷, нетрудно установить и причину ошибки Латышева: его подвел К.К. Косцюшко-Валюжинич, который имел странное обыкновение продавливать снимаемые им с камней эстампажи карандашом, зачастую выдавая желаемые знаки за действительные и тем вводя эпиграфистов в искуc и заблуждение. На эстампаже из Херсонесского музея после букв NA стк. 5 четко заметен верхний усик поврежденной сбоем *каппы*, не продавленный Косцюшко-Валюжиничем. В следующей букве он не заметил, очевидно, поврежденной перекладины *альфы*, зато принял за нижнюю гасту *дельты* след разлиновки — типическая ошибка не только современных эпиграфистов, но и древних резчиков! Для нас очень важно, что на эстампаже из Херсонесского музея карандаш Косцюшко-Валюжинича не поднялся прорисовать последнюю — шестую строку, сохранив тем самым объективное документальное свидетельство.

²⁶ Судя по другим северочерноморским заметкам Вильгельма (Beiträge. № 180—185), Латышев вообще игнорировал эту работу при переиздании IOSPE I² в 1916 г.

²⁷ Получением его в свое распоряжение я обязан любезности М.И. Золотарева.

Рис. 2. Прорись с эстампажа надписи IOSPE Γ² 419 с реконструкцией строки 6-й

Итак, Вильгельм значительно улучшил чтение документа, поскольку конструкция διὰ + асс. в значении награждения за что-либо вместо обычного γεν. + ἔνεκα, χάριν смущала уже самого первоиздателя. Однако, исправив одну не по вине Латышева допущенную некорректность, австрийский эпиграфист сам, как мне кажется, попал в другую апорию. Поскольку «начальник вспомогательного отряда» и должен был быть одновременно «командующим похода»²⁸, дополнение Вильгельма порождает тавтологию, не только странную, но и неуместную в столь лаконичном тексте, объем которого был строго ограничен кольцом наградного венка.

Указанное затруднение явилось стимулом к поискам иного чтения и дополнения шестой, последней строки в венке. Основой для них послужили тщательный анализ и калькирование верхушек неподписанных букв этой строки по «дипломатическому» эстампажу Херсонесского музея. На нем в стк. 6 я с большей или меньшей степенью уверенности различаю знаки, воспроизведенные и дополненные на рис. 2. Разбор и дополнение остатков букв последней строки приводит к принципиально иному чтению и реконструкции (в конечной части) всей надписи:

Ἐπὶ τὰς συμμα-
χίας γενηθέν-
τι τὰς πρὸς βα-
σιλέα Πολέμων-
α καὶ ἀγεμό-
να Μυσίας.

Перевод: Возглавившему вспомогательный отряд, посланный к царю Полемону и к предводителю Мёзии.

Понятно, что подобное коренное перечтение текста вносит и кардинальные коррективы как в датировку надписи, так и в предложенные исследователями реконструкции событий политической истории первой половины I в. н.э. В новом прочтении документ упоминает не только царя Полемона, но и легата проpraetore провинции Мёзия, подобно чуть более поздней почетной надписи IOSPE Γ² 420, поставленной неизвестному херсонеситу и отмечающей среди прочих его заслуг в 10-м венке: πρεσβεῶσιντι loti τὸν τὰς Μυσίας ἀγεμόνα — «совершившему посольство к правителю Мёзии». Понятно, что в нашей надписи № 419 пропуск артиклей при титуле легата и названии провинции — закономерный эллипс, продиктованный стенохорней шрифтовой поля.

Вопрос о дате образования провинции Мёзия остается дискуссионным. Одни ученые на основании свидетельства Dio Cass. LV. 29.3 об А. Цецине Севере как

²⁸ Термин συμμαχία в значении auxilia — вспомогательный военный отряд — был широко употребителен в греческих эпиграфических текстах; см. Holleaux M. *Études d'épigraphie et d'histoire grecques*. V. III. P., 1942. P. 81. Должность ὁ ἐπὶ τῆς συμμαχίας засвидетельствована в Афродисиаде: Reynolds J. *Aphrodisias and Rome*. L., 1982. № 2b. 8.

ο ὁ τῆς πλησιοχώρου Μυσίας ἄρχων помещали это событие на 6 г. н.э., другие отдавали предпочтение словам Ovid. Trist. II, 197: «Nactenus Euxini pars est Romana Sinistri» — «До этого места часть Левого Евксина принадлежит римлянам», откуда следовало бы, что к 9 г. н.э. — году ссылки Овидия в Томы — Добруджа уже входила в Империю; наконец, третьи опирались на более твердое указание App. III. 30 о том, что вскоре после смерти Августа Мёзия стала платить трибут Тиберию, что устанавливает дату образования провинции около 15 г. н.э.²⁹ Но какую бы из этих дат ни предпочесть, Полемон I, погибший явно до Рождества Христова, не мог быть упомянут нашей надписью, поэтому единственным кандидатом на замещение имени βασιλεὺς Πολέμων остается его внук Полемон II. Имя «гегемона» Мёзии пока не устанавливается из-за лакуны в списках легатов этой провинции от Помпония Лабена в 25/26—33/34 гг. до Мартия Мацера в 44 г.³⁰ Термин ἡγεμὼν для обозначения наместников провинций разного ранга весьма обычен³¹. Следует заметить, что вплоть до 41 или не позже 44 г. Мёзия входила в состав более обширной области, включавшей, кроме того, Ахайю и Македонию и управлявшейся императорскими уполномоченными, в интересующее нас время — П. Меммием Регулом (35—41 гг.)³². Им подчинялся командующий двумя мёзийскими легионами в ранге legatus pro praetore, который одновременно был и наместником самой провинции.

Поддержка херсонесским вспомогательным отрядом военного похода объединенных сил царя Полемона II и вексиляций римской мёзийской армии — факт весьма значительный, открывающий новую страницу во взаимоотношениях этих трех государств. Теперь может считаться документально доказанным, что после назначения своим наперсником и родственником Каллигулой на боспорский престол Полемон не сидел сложа руки и не смирился с тем, что его πατρώα ἀρχή после смерти Аспурга продолжала находиться в руках законных наследников последнего. Вопреки гипотезе Каллистова (см. выше), Полемон решил отвоевать свой боспорский домен силой оружия. Войско его составили, видимо, какие-то собственные понтийские контингенты, части римских легионов мёзийской армии — IV Scythica и V Macedonica — и auxilia херсонеситов. Время похода на Боспор точно установить не удается. Аспург умер в течение 37/8 г., тогда же его сменила на престоле вдова; весной же 37 г., судя по Syll.³ 798, сам Полемон с матерью и братьями находился в Кизике³³. Допустимо предположить, что на первых порах его сдерживало то обстоятельство, что Боспор перешел к его родной сестре Гелепирии — женщине, как мы знаем по несколько путаному сообщению

²⁹ Разноречивые мнения приведены в работах: *Златковская Т.Д.* Мёзия в I—II вв. н.э. М., 1951. С. 44 сл.; *Vulpe R.* Din istoria Dobrogei. II. București, 1968. P. 43; *Pippidi D.M.* I greci nel basso Danubio. Milano, 1971. P. 160. Not. 61.62; *Thomasson B.E.* Laterculi praesidum. V.I. Göteborg, 1984. Col. 121—123; V. III. Göteborg, 1990. Col. 82.

³⁰ *Thomasson.* Op. cit. V. I. Col. 122 sq. № 12; 123. № 15.

³¹ *Wilhelm Ad. V.* OJh. 1914. 17. S.46; *Robert L.* OMS. II. P. 845; *Mason H.J.* Greek Terms for Roman Institutions. Toronto, 1974. P. 144—151; *Reynolds.* Op. cit. P. 26 f.; *Hatzopoulos M.B., Loukopoulou L.D.* Morrylos. Athènes, 1989. № 42.3/4.

³² *Thomasson.* Op. cit. V. I. Col. 123. № 13.

³³ В. Диттенбергер (Syll.³ 798. Notae 6, 13) привел ряд очень привлекательных аргументов в пользу того, что кизикский декрет должен был быть издан вскоре после признания Каллигулы императором (dies imperii 18 марта, adventus в Рим 28 марта 37 г., см. *Kienast.* Op. cit. S. 85); его доводы кажутся мне, как и Ж. Лафе (IGRR IV. 145. Nota ad v. 1), убедительными. Это означало бы, что номинация сыновей Котиса III и Антонию Трифоны царями относится к одному из первых актов нового императора, недаром кизикцы говорят, что Гай возвратил тем царства (стк. 7: ἀλοκαθέστακεν βασιλείας), просто называя их царями (стк. 18: τοὺς βασιλεῖς) без упоминания родового домена. Легитимными правителями они становились, по всей видимости, только после реальной интронизации на месте, что следует из другой кизикской надписи IGRR IV, 147 (конца 37 или начала 38 г.), где Реметалк и Полемон титулуются царями соответственно Фракии и Понта, а Котис «остался» без царства, так как он, видимо, еще не успел добраться до Малой Армении. Все сказанное заставляет считать свидетельство Dio. LIX. 12.2 обобщением мероприятий Каллигулы в вассальных царствах (кроме его совоспитанников там упомянут еще Созм, правитель части Итурей), осуществлявшихся на протяжении времени, а не в одном 38 году, которым историк датирует эти акции.

Петра Патрикия (FHG IV, 184 sq.), достаточно умеренного нрава. Нельзя исключить, что между братом и сестрой было заключено какое-то соглашение, хотя и конфронтацию родственников вовсе исключать не приходится. Не с этими ли событиями связана отправка серебряной тарелки с именем Гепеирии в составе дипломатических даров (?) в Неаполь Скифский с вероятной целью получения военной помощи³⁴.

Однако ситуация должна была резко измениться после воцарения в 39 г. сына Аспурга и Гепеирии Митридата II — правителя, судя по рассказам авторов, дерзкого и коварного. Эти полтора-два года — 39 и 40 — наиболее подходящая дата для демарша Полемона. Определенно в этой борьбе претендентов верх взял Митридат — не этим ли вызвано помещение на его золоте изображения Ники с венком? Проигравшему борьбу Полемену император помочь, видимо, не мог и не успел: осенью 39 г. он был озабочен раскрытием заговора Гетулика, зимой 39/40 г. находился в Лугдунуме, а потом совершал свой «театральный» поход в Германию и к Ла-Маншу. 24 января 41 г. он, как известно, пал под мечами преторианцев.

В ином свете предстает и позиция херсонеситов. Их активное участие в вооруженной борьбе за боспорский трон на стороне обделенного Полемона и римских легионов против правящего царя Митридата II подвергает сильному сомнению высказанную недавно В.М. Зубарем гипотезу о том, что взаимоотношения Херсонеса и Боспора строились в конце I в. до н.э. — первой половине I в. н.э. не на принципах зависимости первого от второго, о которой троекратно заявляет Страбон, а на основе военного союза между ними — *συμμαχία*³⁵. Новое чтение почетной надписи из Херсонеса и проистекающая отсюда реконструкция событий дают полное право предположить, что именно Полемон в случае победы и возвращения «отчей державы» мог пообещать Херсонесу за его помощь избавление от боспорской опеки — эвентерию. Однако колесо фортуны повернулось иначе, и вплоть до Антонина Пия город оставался под протекторатом правителей Боспорского царства.

Ю.Г. Виноградов

POLEMON, CHERSONESUS AND ROME

Yu. G. Vinogradov

The starting point of the research was the author's revision of the Chersonesian honorific inscription IOSPE I² 419 after its publication by V.V. Latyshev and Ad. Wilhelm which read that *vir honoratus* headed the *auxilia* sent to king Polemon and — according to the new reading — to the governor of the province of Moesia. The revised text makes one choose of the two homonymous kings Polemon II, since in the reign of Polemon I (14—9?) the province of Moesia did not exist.

The revision of the Chersonesian inscription considerably enhances its value as an historical document, for it proves that after being granted the throne of Bosphorus by Caligula in 38 (Dio 59, 12, 2) and up to the cancellation of the appointment by Claudius in 41 (Dio 60, 8, 2) Polemon II did not put up with the fact that Bosphorus was ruled by Gepaipeyris and then her son Mithridates III, but contrary to *communis opinio* — at some moment tried to win back the kingdom by military means supported by the Moesian army and the Chersonesian troops. The participation of Chersonesians in the actions of the king of Pontus makes one question the recent hypothesis according to which after Caesar's death Chersonesus formed its relations with Bosphorus on the basis of the treaty of an equitable military *symmachia*. A number of epigraphic documents and above all, the thrice-repeated testimony of Strabo (VII, 4, 3; 5; 7) convince one that up to the reign of Antoninus Pius the Tauric polis was under the protectorate of the Bosporan kings.

³⁴ Яценко И.В. Тарелка царицы Гепеирии из Неаполя Скифского // Историко-археологический сборник. М., 1962. С. 101—113.

³⁵ Зубарь. Ук. соч. С. 128 сл.